

Демченков Сергей Александрович
к.ф.н., доцент Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского (Россия)

Гипертекст как убийца постмодерна, или Последний из РОМАН-ов

Когда Интернет «пошел в массы», настало время безудержных надежд, охвативших не только бизнесменов и поклонников высоких технологий, но и деятелей культуры. Ожидалось, что глобальная сеть *физически* реализует основополагающие принципы постмодернизма, тем самым доведя их до логического завершения.

Подобно самонадеянному царю из сказки про Конька-Горбунка, стремительно дряхлеющий постмодернизм предвкушал чудесную метаморфозу: в неотвратимо надвигающейся тотальной «интернетизации» прозревалось торжество тотального Текста; обретение вечной юности начало казаться актом вполне обыденным и едва ли уже не осуществленным.

Как справедливо отмечал С. Корнев, «безграничные возможности для культурной дифференциации, полифоничность, шизоидность Интернета, отсутствие иерархии, "виртуальная смерть автора", частичная автодеконструкция текста, попавшего в гипертекстовую среду, – всё это в совокупности создаёт ощущение, что только в Интернете по-настоящему выполняются все пункты постмодернистской программы. В печатном тексте постмодерн остаётся лишь на уровне деклараций, потому что сама среда является принципиально модернистской. Кажется, завершение постмодернистской революции возможно только в Интернете как в принципиально "постмодернистской среде"» [1].

Однако «Интернет переиграл ту цивилизацию, которая его породила»: он «принципиально логоцентричен. Это пространство текста, организованное, упорядоченное по законам текста, слова, языка. Образ, жест в Интернете имеет вспомогательное значение, и за любым образом в прямом и переносном смысле там стоит некое Слово, иллюстрацией которого он является. Интернет не просто логоцентричен, но ещё и фоноцентричен, – "живой голос автора", пусть даже "виртуального автора", весит здесь больше, чем просто текст. Любой сетевой диалог из борьбы идей стремится вылиться в борьбу персоналий или персонажей, которые стоят за этими идеями. Наконец, Интернет ещё и фаллоцентричен, – энергия, напористость проекта играет здесь преимущественную роль. [...] В сово-

купности эти три атрибута классической метафизики, лого-, фоно- и фаллоцентризм, делают Интернет далёким от идеалов постмодерна. Шизоидность сетевого пространства как целого оборачивается маниакальностью, или даже параноидальностью, отдельных атомов, его составляющих. Идеал постмодерна – шизоидное сознание – здесь выполняется только на уровне сознания культуры как целого, но не на уровне отдельных культурных персонажей, её составляющих. Интернет – это не мир шизофреников, а мир волюнтаристов» [1].

Итак, еще более десяти лет тому назад, когда Сергей Корнев писал свою статью, а российский Веб был девственно юн и будущее его скрывалось в туманной дымке, было неоспоримо ясно одно: Интернету совсем не нужен постмодернизм. Сеть – это пространство живого диалога, в чем и состоит ее главное преимущество. Ей чужда постмодернистская монологическая ущербность. Продолжая нашу сказочную метафору, юный Иванушка прекрасно может обойтись без престарелого царя и ныряет в котел уж явно не затем, чтобы последний мог волшебным образом омолодиться. Впрочем, едва ли можно его за это винить. Но, что вдвойне любопытно, эта «неприязнь» взаимна: постмодернизму тоже совсем не нужен (и даже, пожалуй, враждебен) Интернет.

Несомненным доказательством тому может послужить судьба интересного проекта, запущенного в 1995 г. тартуским филологом Романом Лейбовым, – первого в русской литературе сетевого гипертекстового многоавторного романа со скромным, но многозначительным названием «РОМАН» [2]. «Продолжить текст было предложено всем желающим, причем свое продолжение можно было "прицепить" к любому месту. Почин быстро подхватили, и "РОМАН" постепенно приобрел необыкновенно сложную нелинейную структуру. Через год интенсивного творчества, когда написание "РОМАНА" наткнулось на технические проблемы и остановилось, он состоял из более чем 150 фрагментов, пронизанных густой паутиной взаимных ссылок. Пришлось даже писать специальное руководство, "Как читать РОМАН". Но и руководство помогло мало – читателей у РОМАНА оказалось гораздо меньше, чем писателей. То, что из проекта получилось, осталось лежать на Сети памятником самому себе» [3].

World Wide Web позволил наконец осуществить то, чего так долго ждала постмодернистская литература, – *физическую* реализацию *быстрого* гипертекста. Гипертекстовые структуры столь же стары, как и сама словесность. Простейшими их примерами являются толковый словарь и биб-

лейская симфония (конкорданс). Однако в доцифровую эпоху читатель имеет дело с *медленным* или очень медленным гипертекстом. Переход по ссылкам требует времени – сравнительно долгого, а в большинстве случаев долгого до неприличия (вспомним, во что превращается чтение любого академического издания с пространными послетекстовыми примечаниями). Как следствие, полностью разрушается единство восприятия. *Читать* медленный гипертекст, в сущности, невозможно, его можно лишь последовательно *собирать по кусочкам*. Результирующая структура, снабженная перекрестными ссылками, выстраивается уже постфактум в сознании читателя.

Любые попытки реализовать *быстрый* гипертекст на бумаге были заранее обречены на неудачу и в лучшем случае дополнили летопись литературных курьезов, как, например, вышедший в 1976 г. роман американского писателя Реймонда Федермана «На ваше усмотрение», представляющий собой пачку пронумерованных и несброшюрованных страниц, которые можно располагать в любой удобной читателю последовательности.

С появлением Веба *быстрый* гипертекст, остававшийся доселе дерзкой мечтой, становится вполне обыденной (и даже несколько скучноватой) реальностью, лишаясь какого бы то ни было мистического ореола. Переход по ссылке (даже на откровенно слабых каналах связи, которые сегодня встречаются все реже и реже) занимает считанные мгновения и уже не воспринимается как досадный перерыв в чтении. Осуществимым становится ничем не стесненное *нелинейное* движение по тексту.

Однако свобода перемещения в *быстром* гипертексте покупается дорогой ценой – ценой творческой свободы читателя (пожалуй, единственного ресурса, который в постмодернистской реальности действительно имеет цену).

Постмодернистский гипертекст есть явление *ментальное*. Переход по ссылкам осуществляется не в самом тексте как физической (графической) реальности, а в сознании читателя. И это придает виртуальному (ментальному) гипертексту недостижимую в физической среде смысловую гибкость и многоплановость.

Ментальные референции обладают рядом уникальных и труднопроизводимых в любой материально закрепленной гипертекстовой конструкции свойств. Структура любого уровня сложности (и каждая из входящих в нее подструктур или «атомарных» составных частей) является по-

тенциальной гиперссылкой, способной одновременно коррелировать с неограниченным числом объектов любого уровня сложности. Иначе говоря, к постмодернистской ментальной референции применимы два, казалось бы, взаимоисключающих определения: а) она характеризуется произвольностью адресации (направление отсылки принципиально непредуказано), б) при любом направлении адресации она неизменно остается осмысленной (даже отсутствие смысла, казалось бы, полная нерелевантность, будет восприниматься постмодернистским читателем как некий «смысл»).

Приведем пример. Встретившаяся нам в некотором гипотетическом романе фраза «я вас люблю» может быть воспринята как отсылка к пушкинскому «я вас любил» или к небезызвестной фразе одного из персонажей Лириан Хеллман «я люблю тебя безумно», которую использовал У. Эко, чтобы продемонстрировать механизмы работы постмодернистского сознания. Мы можем воспринять ее как отсылку к обоим этим текстам. Или ни к одному из них, – впрочем, отнюдь не потому, что наш невысокий культурный уровень не позволил опознать указанные цитаты (заметим, что они не должны быть при этом сознательно заданы, т.е. рассматриваться как цитаты самим скриптором), но лишь потому, что в неповторимом, спонтанно творимом нами тексте они цитатами не являются – они нам в данный момент не нужны, а следовательно, и не работают как гиперссылки, хотя могут столь же непредсказуемо и произвольно обрести эту функциональность при следующем прочтении.

Любая материальная реализация гипертекста (во всяком случае, на данный момент) предполагает принудительную, изначально предзаданную и, как правило, однонаправленную адресацию. Современный электронный гипертекст не расширяет, а, напротив, ограничивает читательскую свободу, свидетельствуя о стремлении беспокойного мертвеца Автора восстать из могилы.

Для неподготовленного, «профанного» реципиента сетевой гипертекстовый роман слишком сложен и «непрозрачен» (вместо продуманного экскурсионного тура под опекой опытного гида (автора) ему предлагается самостоятельное ознакомление с достопримечательностями). Для многоопытного интеллектуального гурмана он, напротив, раздражающе прост и однолинеен.

Итак, электронный гипертекст в своих нынешних возможностях не может удовлетворить тех требований, которые предъявляет к нему постмодернистский читатель, избалованный «роскошествами» ментальных

референций. И это первая причина, по которой постмодернизму не нужен Интернет. Но есть и вторая, делающая глобальную Сеть не только неудобной, но и враждебной для постмодерна средой. Это страх *Другого* – непреодолимое иррациональное чувство, вызвавшее постмодернизм к жизни.

В постмодернистском сознании страх *Другого* прежде всего ассоциируется с образом Автора – чуждой и непреклонной воли, бесцеремонно вторгающейся в хрупкое мироздание читательского «Я». Однако *Другой* может выступать и в любом ином – персональном или имперсональном – обличье (толпа, государство, законы материального мира и, наконец, даже Создатель или судьба). Это всякое вторжение и принуждение – вмешательство чего-то, по большей части, немыслящего и нечувствующего, не наделенного даже подобием сознания, но все равно воспринимаемое как присутствие некоего Субъекта и осязаемое давление с его стороны. То, что *Другой* не безлик (как уже было сказано, он может выступать под самыми разными личинами), но по сути своей *безличностен* (поскольку не является носителем воли и желания), лишь усиливает трагизм ситуации: с ним невозможно вступить в диалог, с ним в принципе невозможно договориться. Единственное спасение от его диктата – бегство в «стерильное», предельно деперсонифицированное пространство Текста, где, накладываясь друг на друга, звучит множество голосов, но нет ни одного субъекта. Ибо скриптор незрим и нематериален, он не субъект, а лишь совершенная машина для письма.

Безмерно превосходя читателя по своим масштабам, постмодернистский тотальный Текст в то же время абсолютно покорен ему. В этой комфортной и безопасной, неподавляющей огромности читатель – единственное живое «Я», единственный властелин и демиург, что порождает ощущение едва ли не безграничной власти. Постмодернистский Текст не мертв – он изменчив и бесконечно многообразен в своей текучей неуловимости; как идеально отлаженный механизм, он чутко отзывается на все ментальные движения своего повелителя (что и препятствует последнему осознать всю безграничность и безысходность своего одиночества).

Однако жизнь постмодернистского Текста – призрачная и эфемерная. Он *живет* лишь в сознании читателя. С таким же основанием можно говорить о *жизни* наших грез и воспоминаний. В Интернете текст действительно становится живым – в самом прямом (едва ли не биологическом) смысле этого слова. Он также предельно изменчив и подвижен, причем это *деятельная* подвижность роста, а не *созерцательная* подвижность

смысловых связей, порождаемая отсутствием жестко заданной иерархически организованной структуры. Он постоянно достраивается и видоизменяется на наших глазах. Он своенравен и своеволен. Формируясь как результат усилий множества скрипторов-читателей, он неподвластен ни одному из них. В виртуальном пространстве письма индивид обретает свободу от диктатуры *Другого*. В физически «плотном» [4] пространстве глобальной Сети, неподконтрольном ментальной энергии читателя, свободу обретает *Текст*. Но, как резонно указывал Ролан Барт, чтобы кто-то мог жить и наслаждаться свободой, своей жизнью или свободой вынужден поступиться *кто-то еще*. Рождение читателя оплачивается смертью Автора. Рождение Текста приходится оплачивать несвободой читателя и возвращением *Другого* – возвращением тем более пугающим и неотвратимым, что это не есть насильственное вторжение извне. Текст еще не осознал себя (вполне вероятно, что этого вообще никогда не произойдет), но уже перестал быть пассивным и покорным *объектом*. *Другой* не пытается вселиться в Текст – сам Текст по отношению к читателю становится *Другим*.

Интернет действительно «переиграл» постиндустриальную цивилизацию, которая его породила, в очередной раз продемонстрировав тщетность любых (даже самых изощренно продуманных) эскапистских акций, осуществляемых в общекультурных масштабах. Вместо окончательного и безоговорочного торжества постмодернистского тотального Текста, стремившегося обрести физическое воплощение в реальности, мы получили заманчивую альтернативу: *физически* живой и открытый для *равноправного* диалога и сотворчества с читателем глобальный Текст «Мировой Паутины».

*Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился,
Бух в котел – и там сварился!*

Должно быть, в последний момент у стареющего монарха, *заигравшегося* в мечты о вселенском могуществе и вечной юности, все же мелькнула мысль, что не стоило так уж безоглядно доверяться этому обаятельному, а главное, такому исполнительному Ивану...

[1] Корнев, С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна. Интернет как место обитания литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html.

[2] «РОМАН» написан латиницей («транслитом»), что весьма затрудняет чтение. Обусловлено это не художественными соображениями, а сложностями чисто технического порядка: в 1995 году «составлявшие русскую Сеть компьютеры еще не умели писать русскими буквами» [3]. Расположен «РОМАН» по адресу: http://www.cs.ut.ee/~roman_1/hyperfiction/index.html

[3] Смоленский, В. Русская сетевая литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cylib.iit.nau.edu.ua/Mirrors/www.susi.ru/sapporo2000.html>.

[4] Повторимся: постмодернистский Текст *живет* исключительно в реальности сознания (как живой *организм* он полностью виртуален); его «плотные» материальные оболочки не более чем физический субстрат, необходимый для его бытия. Текст Интернета, на первый взгляд, куда более виртуальный по своей природе (с физической точки зрения, он весь лишь совокупность электрических импульсов и магнитных полей), подобно биологическому организму, *живет* и развивается в сфере материальной реальности (разумеется, сам *состав* материи, образующей его *тело* и перерабатываемой им в процессе его существования, кардинально отличается от того, который лежит в основе *белковой* жизни).